

Слово Протоиерея Димитрия Смирнова в неделю 5-ю Великого поста

Память преподобной Марии Египетской

Сегодняшний воскресный день, который мы начинаем по обычаю праздновать с вечера, посвящен преподобной Марии Египетской. В Православной Церкви этой святой воздается особенная честь, ее память бывает несколько раз в году. Только недавно совершалась служба стояние Марии Египетской и читалось ее житие, а еще она прославляется в день своей блаженной кончины.

Раз Церковь так торжествует память Марии, значит, ее жизнь для нас особо назидательна. Конечно, мы не можем подражать ее подвигу, ни один человек, живущий на земле, повторить его теперь не в состоянии, людям XX века он кажется фантастическим, потому что мы живем в совершенно другую эпоху. Кто из нас способен обойтись без одежды или оставить московскую прописку и с полутора краяхами орловского хлеба пойти в пустыню и там прожить 47 лет? Для нас это непосильно. А что же мы можем из ее жития взять, чтобы приблизиться к тому высокому идеалу, к которому зовет Христос?

Что двигало жизнью преподобной Марии? Какая главная добродетель была в ней? Мы знаем, что она начала жизнь очень грешно. Ну и все мы тоже начали жизнь весьма грешно, за исключением тех, которые с детства в Церкви, — среди нас таких единицы. Но дальше она нашла в себе мужество свою жизнь переменить, и сделала это так радикально, как мы не можем. Мария изменила жизнь принципиально в каждом пункте, исправила ее во всем. Она погубила душу свою ради Евангелия, как к этому призывает Господь.

Раньше вообще люди были более простодушны, они истину евангельскую воспринимали прямо. Вот, например, мы праздновали память Севастийских мучеников. Стражник увидел, что на воинов, которые обнаженными стояли на льду зимой и замерзали, спускаются венцы, и так просто это воспринял, что понял: вот если сейчас он бросится к ним, то тоже получит венец от Бога, — даже не подумал, что ему будет холодно или больно. И такая у него была жажда спасения, красоты духовной, такое желание приблизиться к Богу, что он ни о чем не задумался, разделся и встал вместе с ними — и за эту ночь стал святым, хотя не был даже крещен. За одно свое устремление он сподобился дара Духа Святого и причислен к лику сорока мучеников Севастийских, память которых Церковь торжествует на протяжении стольких столетий.

Так же и Мария — она входила в храм, чтобы поклониться Кресту Господню, Животворящему Древу, и никак не могла войти, Господь ее отвергал. Интересна

психология живущей в VI веке. Когда у нас в жизни что-то не получается, мы обычно начинаем винить всех вокруг: людей, обстоятельства, власти, еще что-то; мы хотим в борьбу вступить, перебороть, чего-то достичь. Она же восприняла это совершенно правильно — поняла, что ее не пускает ее собственный грех. А желание прикоснуться к Древу было огромное, и Мария решила помолиться Богородице и дать обет, что, если Матерь Божия ее допустит в храм, тогда она свою жизнь переменит. И была тут же допущена, и прикоснулась к Древу Животворящего Креста, и причастилась на следующий день — то есть Господь ее принял и дал ей благодать за то, что она решилась повернуть свою жизнь.

Это ее решение есть покаяние. Мария пошла в пустыню и там очень тяжело страдала — терпела голод, жажду, а помимо этого мучилась от помыслов, от своих желаний, от страстей, которые ее терзали, — но все-таки в мир не вернулась. Она бросалась на землю, грызла песок, рвала на себе волосы, била себя в грудь, она не спала, молилась — но не переступила Иордан, назад не пошла. Вот такое показала мужество и такое великое терпение. Мария терпела самое себя, свои страсти, не давала им воли до тех пор, пока они не умерли. И когда страсти умерли, она стала восходить на духовную высоту и достигла удивительной святости, абсолютной прозорливости, полного знания Священного Писания. Из жития мы знаем, что она даже смогла по воде пройти, когда в том была нужда; и Зосима удивился, как она за день проделала путь, на который ему потребовалось 20 дней.

Ей не нужны были ни автомобиль, ни самолет, ни вертолет — это все не требуется человеку духовному. А мы окружены всякими игрушками, как нам кажется, для жизни очень важными и необходимыми, потому что мы стали слабыми и ничего не можем сделать с собой. Какое-то элементарное действие — допустим, родить всех детей, которых зачнешь, — для многих непосильный подвиг. На женщину, у которой больше трех детей, смотрят как на какое-то чудо, да еще предосудительное. А что здесь, собственно, особенного? Еще в прошлом веке рожали по 7—8 детей и великосветские барыни, и простые крестьянки, и богатые, и бедные. И никому в голову не приходило, что от детей как-то можно избавляться, хотя бывали случаи, что их подкидывали или редко, крайне редко убивали или плод вытравливали, — а так рожали и воспитывали. Но для современного человека просто родить своих собственных детей — это уже что-то невозможное; или, допустим, жить в коммунальной квартире — а тридцать лет назад многие люди, если не большинство, так жили, это было общее явление. И так во всем. Человек утратил всякое мужество, всякую волю к жизни оттого, что он утратил духовный стержень. А стержень этот дает только вера в Бога и благодать Духа Святаго.

Что же нам делать, если мы хотим быть учениками Христовыми? Господь, зная наши греховные немощи, зная нашу духовную слабость, конечно, не ждет от нас подвигов Марии Египетской. Он хочет от нас просто элементарной порядочности, чтобы мы были нормальными людьми. Требования к нам сейчас — это просто требования к обычному человеку: чтобы мы ради какой-то сиюминутной выгоды не делали зло, не шли на сговор со своей совестью, не убаюкивали ее; чтобы не мстили, научились поступать благородно; чтобы сильные не обижали слабого.

То, что для человека, жившего сто лет назад, было элементарно просто и в порядке вещей, для современного человека уже является выдающимся подвигом. Как же так, он меня ущемил, он меня обругал — а я стерпеть, промолчать или даже простить? Это невозможно. Но если я хочу наследовать Царство Небесное, то, несмотря на обиду и на плохое отношение, я найду в себе мужество и прощу. Некоторые духовные люди говорят, что в наш век можно спастись совершением малых добрых дел. Надо нам учиться делать это малое добро, то есть постоянно в мелочах быть верными Богу. Как в сегодняшнем Евангелии Господь сказал Фоме: возьми свою руку и вложи Мне в ребра и с этого момента не будь неверен, но верен — то есть не будь неверующим, но верующим.

В Бога веруют все, за редким-редким исключением, — веруют и дьявол, и бесы, и люди разных религий, противоположных христианству: буддисты, сатанисты. Даже в конфуцианстве какое-то понятие о Боге, о высшей силе, о Творце вселенной тоже есть. Поэтому сама вера в Бога не дает ничего, вера должна быть к Богу. А вот здесь уже начинается разногласие. Например, Христос говорит, что перед Богом нет ни мужского пола, ни женского, все одинаково равны, а мусульмане к женщине вообще не относятся как к полноценному человеку, считают, что только мужчины наследуют жизнь и бессмертие, а женщина — только должна давать потомство.

Очень важно, какому именно Богу человек верит, какое учение он принимает как истину, являющуюся движущей силой его сердца. Если мы христиане, то должны этой движущей силой сделать Христовы заповеди и жизнь свою строить не по тому, как люди живут, или как принято в обществе, или что мы в книжке прочли у какого-то, может быть, очень хорошего писателя, и не по тому, что требует от нас начальник на работе, или жена, или наши дети и внуки. Нам нужно не подчиняться духу времени, а сохранить верность Богу, Его заповедям, сохранить верность духовным постулатам христианства — вот тогда мы сможем свою веру удержать и наполнить ее смыслом. Потому что иной человек, считающий себя христианином, и ходящий в церковь, и даже

причащающийся и исповедующийся регулярно, иногда делает такие вещи, за которые вообще полагается от Церкви сразу отлучать. Вот, например, совсем недавно, когда папа Римский приехал в Америку, от него католички, верующие христианки, стали требовать, чтобы он издал энциклику, разрешающую аборт. Ну может ли христианский епископ разрешать убийство? Ведь если в Церкви допустить многоженство, детоубийство, пьянство, наркоманию, это уже будет не христианская Церковь, а что-то совсем другое.

Чтобы стать христианами, нам нужно стараться изучить Евангелие, знать его на память, чтобы оно уложилось не только в нашем уме, но и в нашем сердце. Мария Египетская была неграмотная, однако Господь ее так просветил, что она все Писание цитировала наизусть. Но каким подвигом она этого достигла! Мы на это не способны, поэтому Господь, по милости Своей, устроил так, что каждый из нас может иметь печатный текст Евангелия. В VI веке ни один христианин, кроме императора и нескольких — буквально по пальцам можно пересчитать — сановников, Священного Писания не имел, не в каждом храме оно было. Евангелие считалось величайшим сокровищем, драгоценностью, и люди, чтобы слышать его, собирались в церкви, изучали его, просили Бога, чтобы Он им помог его усвоить,— а любой из нас дома, сидя на стульчике, может Евангелие почитать. И тем не менее, имея такое блаженное сокровище, мы им не пользуемся — читаем, как мы привыкли правило читать, лишь бы отделаться, совершенно не думая над тем, насколько оно соответствует нашей жизни. А если увидим явное несоответствие ему наших поступков, то начинаем себя уговаривать: ну, мол, это ничего, кто теперь так может? — абсолютно не понимая того, что слово Божие сказано на все века.

Но если у нас есть стремление к Царствию Небесному, если мы хотим в нашей жизни увидеть Бога, хотим узнать, какой Он, Бог, если мы хотим Его ощутить, вложить руку в Его ребра, почувствовать Его, как Фома захотел, — тогда нашу жизнь надо устраивать совершенно по-другому. Тогда надо во главу угла ставить не то, как нам получше и полегче жить; и из всего обилия возможностей, которые у нас есть, мы должны выбирать только те, что не противоречат Евангелию. Вот чем отличается жизнь христианская от нехристианской.

Допустим, я женился, а мне жена надоела. Я встретил лучше: она и красивее, и моложе, и хозяйственнее, у нее есть и автомобиль, и отдельная квартира — ну все. А эта у меня и неряха, и горбатая, и бесплодная, и в коммунальной квартире комната. Что делать? Нормальный, средний человек эту бросит, конечно, и уйдет к той. Но если я христианин, я уже так поступить не могу, потому что этот поступок вступает в противоречие с Евангелием, потому что развод перед Богом просто немыслим. Если я хочу достичь Царствия Небесного, то должен с той женой,

которую выбрал, жить до конца. И так во всем — на работе, и дома, и в автобусе, и в трамвае, и с собственной душой.

Жизнь человеческая складывается из поступков. И каждый наш поступок не может быть нейтральным, это либо шаг к Богу, либо шаг от Бога. Поэтому вся наша жизнь, если мы хотим быть христианами и хотим достичь Царствия Небесного, должна состоять из поступков, которые нас приближают к Богу. Мария Египетская подает нам в этом пример. Она была последовательна до конца и все греховное в себе, с помощью благодати Божией, исправила. Вот так и мы: если будем мужественно и последовательно всегда выбирать заповедь Божию, всегда выбирать Евангелие, правду Божию, тогда постепенно наша жизнь станет выправляться.

Мало ли что у меня в душе, мало ли какое у меня настроение, какие у меня симпатии или антипатии к человеку — сказано: люби ближнего, как самого себя, и все, никаких уже не может быть отступлений. Нравится мне человек, не нравится, приятен он мне или надоел до последней степени, но я не могу его отвергнуть, если я христианин, ведь если я его отвергну, это будет противно любви. Поэтому если он мне не нравится, я должен молиться, чтобы Бог меня вразумил, чтобы мне исправиться в отношении к нему, но пренебречь, переступить через него я уже не имею права, потому что хотя это, может быть, и не противно моей совести (совесть свою я грехами уже давно сжег), но это противно Евангелию.

И если Евангелие станет принципом нашей жизни, тогда она будет постепенно исправляться. А те маленькие подвиги ради Христа, ради Евангелия, которые мы начнем совершать, и будут несением своего креста, отвержением себя. Именно это и значит потерять душу свою ради Евангелия. Ведь если человек мне неприятен, а я должен раскрыть ему свое сердце, тем самым я совершаю подвиг: я совершаю усилие над собой, я умираю в этот момент, потому что мое «Я», которое противится этому человеку, должно умереть. И если я так делаю не просто ради этого человека, а именно ради Христа, я стану на шаг ближе к Царствию Небесному, потому что так же поступал и Христос.

Вот пришли десять прокаженных и попросили, чтобы Он их исцелил, — и Он исцелил. Сколько вернулось Его после этого поблагодарить? Из десяти только один. А Господь же их всех насквозь видел, Он мог бы этого одного выбрать и только его исцелить, потому что он был единственный нормальный человек: ему помогли — и он поблагодарил. А остальным мог бы сказать: а вы, ребята, погуляйте, пока научитесь правильно себя вести. Но Господь так не поступил; раз они к Нему обратились, Он им дал, хотя они Ему потом навредили и Он знал, что так будет.

И христианин всегда именно так и поступает, хотя знает: от того, что он делает, ему часто бывает вред. Чем больше для людей делаешь, тем больше они садятся тебе на шею. Но это же не значит, что нужно перестать творить добро. Если мы живем по принципу ты — мне, я — тебе, это не по-христиански. Христианский принцип - это когда ты совершаешь добрые дела, а тебе за них дают по шее. Тогда, значит, человек делает добро ради него самого и не боится, что получит по шее, а если даже и боится, то этот страх преодолевает. Вот в этом преодолении, в этом мужестве и есть христианство. И пример нам здесь Мария Египетская.

Если мы хотим достичь Царствия Небесного, мы должны все время напрягать свое сердце и все время думать, угоден данный наш поступок Богу или нет. И если наше сердце отвечает, что он Богу не угоден, то мы его делать не должны ни в каком случае. А если видим, что поступок угоден Богу, то надо помолиться о том, чтобы Господь помог нам его совершить, потому что очень часто мы не можем сделать некое добро в силу слабости характера, трусости, малодушия, лени, нежелания и так далее, много всяких причин. Но неделание добра есть такое же зло. Или многие говорят: а я ничего никому плохого не сделал. Ну и что? Сарай, который во дворе стоит, тоже ничего никому плохого не сделал, но его, когда будут строить дом, все равно сломают, он никому не нужен, и этот сарай Царствие Небесное не наследует.

Если мы хотим быть наследниками Небесного Царства, а не старым захламленным сараем, то должны все время, всю свою жизнь вот эти поступки, которые являются шагом по направлению к Богу, совершать. А когда начнем ослабевать, будем просить Марию Египетскую: преподобная мати Мария, моли Бога о нас. И ее молитва нам поможет в этом делании. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 26 марта 1988 года, вечер

Слово Святейшаго Патриарха Кирилла, Московскаго и Всея Руси в неделю пятую Великого Поста

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

В только что прослушанном отрывке Евангелия от Марка мы находим очень важное повествование: Господь, обращаясь к ученикам, сказал о том, что Ему надлежит пострадать, быть казненным и в третий день воскреснуть. Это удивительное откровение, которое Учитель передал своим ученикам, но также удивительна и нелогична реакция учеников на это откровение. Двое ближайших учеников Спасителя — Иаков и Иоанн, братья Зеведеевы, обратились к нему с неожиданной просьбой: «Господи, посади нас по правую и левую стороны от Тебя, когда Ты явишься во славе Твоей» (см.: Мк. 10, 37). В их словах не было сострадания к Учителю, не было переживаний и горя, а было желание использовать силу своего Учителя, чтобы обрести некое благо, возвыситься над другими людьми. Господь говорит им, что не имеет власти посадить их по правую и левую стороны от Себя. И завершается евангельское повествование словами: *«Тот, кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою»* (Мф. 20, 26).

В человеческую природу заложено стремление к развитию, совершенствованию. И чаще всего люди определяют степень своего развития, жизненной удачи по тому, какое положение в обществе они занимают. Поэтому стремление обрести более высокое положение диктуется самой природой человека, предрасположенной к развитию и совершенствованию. Иногда в жизни это стремление приобретает совершенно болезненное выражение. Про таких людей мы говорим — это честолюбивый, тщеславный человек, который все свои силы направляет только на то, чтобы стать выше других, сесть по правую или левую стороны, конечно, не Господа, какого-нибудь начальника, сначала местного, затем и выше, а потом, может, и вообще занять его место. Удивительно, что Господь не осуждает учеников за то, что они попросили Его о высоком месте. Он не сказал им: почему вы думаете о себе, когда Я говорю вам о Своих страданиях? Он не сказал им, что их мысли неправильны и греховны, Он не оспаривает их желание, но Он дает ясное понимание того, что означает для человека положение выше, чем то, которое имеют окружающие. Господь ясно определяет основную ценность высокого положения человека — единственную ценность, которая существует в очах Божиих и которая связана с властью. Этой ценностью является способность служить другим.

Стремление к власти может быть греховным и буквально убийственным для человеческой души, если оно сопровождается непременным стремлением от

власти получать личные блага — материальные, социальные, общественные, служить самому себе, поднимаясь по ступеням служебной лестницы. Всякое использование власти во имя личных интересов является грехом. Почему один человек должен господствовать над другим? Почему свободные люди подчиняют свою волю другим людям? Существует тайна человеческой власти, до конца, может быть, и не понимаемая нами. Но у этой тайны есть нравственное и Божественное измерение. Тайна власти обращается во спасение тогда, когда сама власть служит другим. И нет иного измерения власти, только служение. И чем выше человек продвигается по ступеням служебной лестницы, чем больше у него власти, тем должно быть больше внутреннего смирения, тем должно быть выше осознание необходимости свое положение употреблять во благо других людей. Это справедливо не только в отношении тех, кто имеет политическую власть, это справедливо и по отношению к тем, кто имеет экономическую власть. Это справедливо по отношению к богатым людям. Потому что богатство — это всегда власть, в том или ином размере. И богатство может быть во благо, и богатство может быть в осуждение и погибель. Если человек имеет средства, которые по своему объему превышают необходимые затраты на жизнь такого человека, то это означает, что ему вручается Богом особая ответственность за других. Добрые дела, благодеяния — это не прихоть богатого человека, а это требование к нему, если он желает, чтобы богатство не обернулось погибелью души. Точно так же и для людей, обладающих политической властью, требование служить другим включает в себе единственное правильное и Богом определенное понимание власти.

Почти все беды человеческой истории — скорби, болезни, войны, революции, общественные катаклизмы — порождались безудержным стремлением людей иметь власть. Для того чтобы завладеть властью, многие шли на страшные преступления. Разве власть, принятая безнравственно и преступно, может обернуться служением для других? Никогда! Разве деньги, нажитые нечестным путем и направляемые на удовлетворение все возрастающих потребностей, могут принести счастье и благополучие? Никогда!

То, что мы говорим по отношению к власти и богатству, имеет непосредственное отношение и к власти церковной. В Церкви тем более всякая власть должна сопровождаться служением, и чем выше поднимается человек по ступеням церковной власти, тем более жертвенным и самозабвенным должно быть его служение. Только этим может оправдаться тот, кому Бог вручает власть над другими. Вот почему Спаситель, отвечая на странное вопрошение Иакова и Иоанна, говорит им: *«Дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня зависит»* (Мф. 20, 23). В противном случае это было бы нарушением Богом учрежденного порядка, разрушение которого приводит к уничтожению

человеческой жизни. Мы знаем, что ни одна кровавая борьба за власть, ни одна революция не сопровождалась миром, покоем, радостью, благополучием, потому что те, кто устремлялся к власти, прежде всего думали не о служении, а о том, чтобы именно им принадлежала властная и вожденная возможность повелевать другими людьми.

Мы говорим сейчас о высоких материях, о политической власти, о богатстве... Однако большинство тех, кто сейчас слушает меня, не имеют политической власти и богатства. Так что же, это слово евангелиста Марка не к нам обращается? К нам, потому что стремление властвовать над другими вообще присуще человеку.

2009 г.

Поучение Митрополита Арсения (Москвина), Киевского и Галицкого (+1876г.) в неделю пятую Великого поста

(Лук. 7, 36-50).

Ныне чтенное Евангелие представляет нам повествование о событии весьма важном и занимательном. Состав сего повествования сам в себе очень прост и естествен, но смысл его глубок и чрезвычайно поучителен.

Вот в кратких словах его сущность! Некто из фарисеев просил Иисуса Христа к себе на обед. Господь не отказал просителю, но, пришед в дом его, встретил от него прием хотя почтительный, но в тоже время довольно холодный. Фарисей не почтил своего высокога Гостя гостеприимным лобзанием и не дал Ему, по восточному обычаю, воды на ноги Его. Тем не менее Господь Иисус, нисколько не огорчившись тем, возлег за трапезу фарисееву. Но вот, вдруг отворяются двери гостиной комнаты и, к великому изумлению и соблазну фарисеев, входит в нее жена грешница с сосудом мира в руке и со слезами на глазах, и, став позади Христа Иисуса, начинает омыwać слезами ноги Его, и отирать власами своими и помазывать оныя миром. Хозяин дома, при этом непривычном и тяжком для фарисейскаго глаза зрелище, не вытерпел и сказал сам в себе: «если бы Человек этот был действительно Пророк, то знал бы, кто и какова жена, прикасающаяся Ему». Тоже, вероятно, подумали и такой же тайный приговор об Иисусе Христе произнесли в сердцах своих и все прочие, возлежавшие с Ним: ибо мы после увидим всех их единодушно ропщущими на Него, и следовательно согласными между собою. Но Господь не захотел лукавых их помыслов оставить без ответа, и потому, обратившись к хозяину, сказал ему: «Симон, Я имею нечто сказать тебе», и когда последний согласился слушать Его, Он продолжал так: «Два должника было у одного заимодавца; один должен был пятью стами динариев, а другой пятьюдесятью. Когда же он, за несостоятельность к уплате того и другого, простил долг обоим, скажи Мне, который из них более возлюбит Его?» — «Думаю», отвечал Симон, «которому более прощено». — «Правильно разсудил ты», сказал Господь; «но теперь посмотри на эту женщину. Я пришел в дом твой, и ты воды Мне не дал на ноги, а она слезами облила Мне ноги, и волосами главы своей отерла их. Ты лобзания Мне не дал; а она с тех пор, как Я пришел сюда, не перестает лобызать у Меня ноги. Ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. И потому сказываю тебе: прощаются грехи ея многие за то, что она возлюбила много». И затем, обратившись к жене, присовокупил: «прощаются тебе грехи, — вера твоя спасла тебя; иди с миром».

Всеобщий, хотя также тайный, ропот возлежавших против Господа Иисуса: *кто Сей есть, Иже и грехи отпускает?* — заключает беседу и трапезу Христову в доме Симоновом.

Здесь три особенно предмета представляются для размышления нашего: фарисей, приглашающий и угощающий Христа Спасителя, и в тоже время тайно осуждающий Его: это совершенно по нашему; жена грешница, открыто плачущая о грехах своих, и в знак искреннего раскаяния и любви своей ко Господу омывающая и лобызающая ноги Его, и драгоценным миром помазующая оныя: это далеко не в наших нравах и обычаях (мы любим скрывать свои грехи, а не открывать их; если иногда и плачем об них, то разве наедине, и то не надолго, а после снова и спокойно возвращаемся к ним; о дарах же и приношениях Господу Богу, особенно дорогих, мы даже думаем, что они и вовсе излишни, и потому не только драгоценного мира, но и деревянного масла в лампаду и пятикопеечной свечи пред Его изображением во храм не приносим, возлагая на обязанность Церкви — за нас и светить, и молиться безвозмездно от нас, будто бы это все равно, что и наше собственное, от трудов наших праведных, пожертвование); и наконец Господь Иисус, прощающий и разрешающий многогрешницу кающуюся и осуждающий фарисея — лицемера и мнимоправедника: это особенно для нас отрадно и утешительно, ибо все мы грешники пред Богом и даже многогрешники. *Братие*, говорит святой Иоанн Богослов, *аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас* (1 Иоан. 1, 8). Посему-то и святой апостол Павел, хотя и был избранный сосуд благодати Божией и восхищен был, еще в здешней жизни, даже до третьего небесе — в рай, называл себя открыто пред лицом всей Церкви первым из грешников (1 Тим. 1, 15).

Но, дабы нам ближе ознакомиться с сею беседою Христовою во всей полноте ея и вернее понять и усвоить всю силу и значение ея, то прочитаем снова подлинныя слова Евангелиста, в которых она излагается.

Моляше Иисуса, говорит евангелист Лука, *некий от фарисей, дабы ял с ним; и вшед в дом фарисеов, возлеже* (Лук. 7, 36).

К мытарям и грешникам Иисус Христос приходил сам и незванный. Так Он пришел в дом начальника мытарей Закхея, и — на самую даже мытницу к мытарю Левию, или Матфею; но фарисеям надлежало умолять и просить Его, дабы Он посетил дома их и вкусил трапезы. *Моляше Иисуса некий от фарисей*. Почему же это так? По тому общему, для своего ходатайственного служения, правилу, которое Он сам объявил, говоря: *не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние: не требуют бо здравии врача, но болящии* (Матф. 9, 12-13). Правда, фарисеи, как видно из обличений от Иоанна Крестителя и самого Иисуса Христа, не только не были здоровы, но и крайне

больны, и потому казалось бы, что им пособие небесного Врача несколько не излишне, а напротив еще прежде всех и более всех, как руководителям народа, нужно; но поелику они не сознавали себя больными, выдавая себя пред народом за великих праведников, то небесный Врач и не хотел к ним с своею помощию, так сказать, навязываться, и ожидал прежде от них вызова и приглашения.

Но фарисеям о чем бы то ни было просить Иисуса Галилеанина было дело не легкое: они были горды и надменны, богаты и сильны, высоко стояли во мнении народа, — само правительство уважало и боялось их, а смиренный Господь Иисус, не имевший где главы приклонити и слывший за сына тектонова: кому Он нужен? Правда, простой народ охотно Его слушал, удивлялся Его учению и прославлял Его, как великаго Пророка и Чудотворца; но о народе фарисеи говорили: *народ сей, иже не весть закона, прокляти суть*, и в подтверждение своего мнения указывали на пример князей, соединяя с ними и себя: *еда кто от князь верова в Он, или от фарисей?* прибавляли они (Иоан. 7, 48-49). Притом же эта-то именно народная молва об Иисусе Христе, отнимающая у них, или по крайней мере ослабляющая их честь и славу, особенно и ожесточала и вооружала их против Него: им тяжело было даже слышать об Нем.

Тем не менее однакоже Симон фарисей *моляше Иисуса*, следовательно всеусильно просил Его, *дабы ял с ним*. Что же было причиною сего? Конечно не вера в Иисуса Христа: ибо он не признавал в Нем даже и Пророка, и в прикосновении к Нему жены грешницы нашел для себя сильное на то доказательство: *Сей аще бы был пророк, ведел бы, кто и какова жена прикасается Ему, яко грешница есть* (Лук. 7, 39), — и неусердие к Нему: ибо прием его не соответствовал приглашению: здесь не были соблюдены, общепринятая на Востоке для почетных гостей, правила гостеприимства, каковы суть лобзание хозяина, умовение ног и помазание главы.

Что же заставило Симона так усильно просить к себе Иисуса Христа? Вероятно, желание — ближе всмотреться в новоявленного Пророка и Чудотворца, и что нибудь подметить в Его словах и поступках такого, за что бы можно было обвинить, и тем легче погубить Его впоследствии. Посему-то, когда Господь Иисус объявил жене грешнице прощение грехов ея, то все собеседники и сотрапезники Его, какбы обрадовавшись случаю, целым хором и с сильным ропотом осудили Его, сказав про себя: *кто сей есть, иже и грехи отпускает* (Лук. 7, 49)? а, быть может, вместе и предположение — не удастся ли преклонить Иисуса Христа на сторону фарисеев, и тем — поддержать и усилить в народе авторитет свой, видимо падающий, или по крайней мере ослабить Его влияние и действие на народ, столь неблагоприятная для фарисеев.

Как бы то ни было, только так принимать и угощать, как принимал и угощал Симон Иисуса Христа, есть дело крайне преступное и богопротивное. Как после сего не поскорбеть и не пожалеть, что все наши взаимные сношения, все приветы и угощения, все вечера и обеды, пиры и банкеты приняли характер именно фарисейский и потеряли христианский? Ласкательных слов — бездна, а душевного расположения мало, или даже вовсе никакого; на устах — похвала и улыбка, а в сердце — насмешка и укорица; в руках — заздравный кубок, а в душе — проклятия и порицания, непримиримая злоба и готовое мщение. Собираются друг к другу для удовольствия, а расходятся с обоюдным огорчением; ищут наслаждения, а встречают горькое злословие; приходят с душами покойными, хотя, быть может, и не слишком веселыми, а возвращаются с душами, нередко до самой глубины встревоженными и растерзанными. О! други мои, для чего вы пренебрегли своим и прилепились к чужому, оставили христианское и обратились к фарисейскому?

Для чего вы забыли и предания своих предков, которые умели взаимно принимать и угощать себя, но не умели взаимно себя мучить и терзать, — забыли и прямую заповедь Христову, которая повелевает и обязывает нас внимательно *блюсти себя от кваса фарисейского* (Матф. 16, 6), как начала для наших нравов опасного, тлетворного и разрушительного, а вы, между тем, как будто нарочно, в явное нарушение сей заповеди и в поругание обычаев отеческих, этот-то именно квас и внесли в свои, так называемые, приятельския беседы и собрания, приветствия и угощения? Неужели вы не знаете, что *имал квас*, как говорит Апостол, *все смешение квасит* (Гал. 5, 9)? А квас фарисейский, как *квас ветхий злобы и лукавства* (1 Кор. 5, 8), отнюдь не малый. Неужели вы не замечаете и не видите, что от этого кваса все в ваших взаимных между собою сношениях, не только внешних и общественных, но и даже внутренних и домашних или семейных, — окисло, повредилось и разстроилось? *Очистите убо ветхий фарисейский квас* от сердец ваших, увещаваю вас словами Апостола, *да будете ново смешение* (1 Кор. 5, 7), смешение Христово. Начните жить и действовать *в безквасиих чистоты и истины* (1 Кор. 5, 8). Старайтесь не казаться только, но и быть действительно всегда и ко всем добрыми. Отымите лукавство и притворство от душ и уст ваших, и *отложше лжу, глаголите*, где можно и должно, *истину кийждо ко искреннему своему: зане есмы друг другу удове* (Ефес. 4, 25); в противном же случае, когда слово правды представляется вам неуместным, или для вас опасным, лучше молчите, но не оскверняйте языка своего ложью, изобретенною на нашу пагубу диаволом, и *не оскорбляйте Духа Святаго Божия, имже знаменаетеся в день избавления* (Ефес. 4, 30). Аминь.

Слово Митрофана (Зноско-Боровского), епископа Бостонского (+2002 г.) в неделю пятую Великого поста

(Лук. VII, 36-50)

Предстоим мы с вами пред Господом в недугах наших. Где искать нам выздоровления? На этот вопрос отвечают нам евангельское чтение и жизнь Марии Египетской: в покаянии. А что такое покаяние? Покаяние, исповедь, -- это суд над собой пред лицом Божиим. Этот суд над собой восстанавливает в нас гармонию разума с сердцем, обращенным к Господу, и созидает волю, способную справиться со своими внутренними врагами, -- со своими грехами и недостатками.

Вводя нас в 6-ю седмицу Великого Поста, устами Церкви говорит нам Господь: „Нет греха человеческого, который превозмог бы милосердие Божие, кроме греха нераскаянного“, и подтверждает это евангельским повествованием о возрождении порочной женщины и примером жизни Марии Египетской.

Неискренно, из любопытства приглашает к себе Иисуса Христа Симон фарисей. Это видно из того, что он не соблюл обычных правил гостеприимства, которые обязывали хозяина встретить гостя целованием, омыть ему ноги и доставить ему все необходимые удобства. Во время пиршества двери дома на востоке не закрывались, каждый посторонний мог войти в дом, постоять и посмотреть на пирующих. И вот, во время трапезы вошла в дом Симона известная в той местности своей порочностью женщина, присутствие которой было противно хозяину дома. С сосудом многоценного мира подошла она к Тому, Котораго искала ея душа, и стала позади Христа.

Слушая Его наставления, она размышляла о своем глубоком падении, о своей позорной жизни. И стала плакать. Ея слезы падали на босые ноги Христа, к которым она склонялась все ниже и ниже, стараясь как бы скрыть свой стыд. Фарисей с ужасом отскочил бы от одного лишь прикосновения подобной женщины, стал бы в семи водах омываться от полученного осквернения. Женщина внутренне чувствовала, что Христос не поступит с ней так, она чувствовала, что безгрешности свойственно сочувствие, а не осуждение и самопревозношение.

Слыша прежде слова Иисуса: „Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные и Я успокою вас“, она подвинулась к Нему ближе и, опустившись на колени, своими длинными волосами вытирала ноги Христа, омоченная ея слезами, покрывая их поцелуями и, наконец, умащая драгоценным,

благоухающим миром. Это было выражением мольбы о милости со стороны сокрушенной сердцем женщины.

Ея вид, обильно текущая слезы, принесение в жертву драгоценного мира, казалось, должно бы вызвать в самом каменном сердце жалость и сочувствие. Но не коснулось все это сердца хозяина дома – фарисея, человека внешней, фальшивой праведности. -- „ О, если бы Иисус был пророк, Он знал бы, что это за женщина, и с презрением оттолкнул бы ее”, -- так подумал Симон фарисей.

Зная сердце и мысли человека, Христос обличил Симона. „Видишь ли ты эту женщину?” – указывая на робко сидевшую на полу недавнюю грешницу, сказал Христос Симону, -- „Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами омыла Мои ноги и отерла волосами головы своей; ты целования Мне не дал, а она не перестает целовать Мои ноги; ты головы Моей маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому говорю тебе: прощаются грехи ея многие за то, что она возлюбила много”.

И затем, обращаясь уже не к Симону, а к бедной грешнице, Спаситель со властью сказал ей: „Прощаются тебе грехи... вера твоя спасла тебя, иди с миром”. И мир и радость воцарились в душе ея. Великая грешница освободилась от рабства греху, стала на путь чистоты и святости.

Таков, дорогие мои братья и сестры, плод покаяния, плод принятия в сердце и в ум Слова Божия, чрез прикосновение ко Христу.

Сказанное еще более подтверждается ярким примером жизни Марии Египетской. В ея жизни невольно обращаешь внимание на две противоположности, а именно, на глубину ея греховного падения и на высоту ея духовного взлета, благодатного возстания. В 12-летнем возрасте покидает Мария родительский дом, уходит в г. Александрию, и там многие годы проводит в порочной жизни. Волна верущих, волна паломников, направлявшихся во св. град Иерусалим к празднику Воздвижения Креста Господня, приводит и ея во святой Град, где она продолжает свою порочную жизнь. Но вот, следуя за потоком паломников, направляется она в храм Гроба Господня. Но... несмотря на многия попытки и усилия, она не может войти в храм. Неведомая сила не позволяет ей переступить порог храма. Но вот, подняв глаза, Мария видит над входом в храм икону Богоматери, Пречистой Девы. Заглянула она в свою душу и поняла, что она падшая и потому не смеет войти в храм. Став в стороне, Мария возносит Богу, через Пречистую Деву, покаянную молитву, обещая измениться. После этой молитвы, легко войдя в храм, она упала пред Крестом Господним, помолилась, поцеловала Животворящий Крест, вышла из храма и направилась к реке Иордан. Омывшись в водах Иордана, Мария идет в храм Иоанна

Крестителя, там причащается Святых Таин Христовых и уходит в пустыню, где в посте и в молитве проводит около 40 лет, всю свою остальную жизнь, -- „яко солнце просиявши, всем согрешающим наставницей явися”. В мире и радости о любви Божией к человеку протекала ее жизнь.

Такова, дорогие мои, сила подлинного покаяния: оно изглаждает грехи и может вознести кающегося грешника на высокую степень совершенства. В чем да поможет и нам Господь по молитвам преподобной Марии Египетской. Аминь.